

*«Невзирая на Гитлера,
отплываем из Нью-Йорка»:
М. М. Карпович*

Публикация, вступительная статья и примечания
О. В. Будницкого ¹

¹ О. В. Будницкий – профессор Высшей школы экономики (Москва).

О Михаиле Михайловиче Карповиче, историке, профессоре Гарвардского университета и редакторе «Нового журнала», существует довольно обширная литература, однако, как это нередко бывает, его полная научная биография еще не написана. Между тем этот человек, на протяжении по меньшей мере 30 лет игравший заметную роль в развитии русистики в США, а также в общественной и политической жизни русской эмиграции, этого более чем заслуживает. Добавим, что к тому же — довольно неожиданно — ему пришлось проявить себя на дипломатическом поприще, преимущественно в 1917–1922 гг.

Учитывая существующую литературу², ограничимся минимально необходимыми сведениями о Карповиче. Он родился 3 (15) августа 1888 г. в Тифлисе в дворянской семье. Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что увлечение историей будущего профессора Гарварда определило родство с известным историком Александром Евгеньевичем Пресняковым; он был братом матери Михаила. Еще будучи гимназистом, Карпович примкнул к партии эсеров и даже угодил в конце 1905 г. в Мцхетскую крепость. По-видимому, его революционные увлечения не зашли слишком далеко. Во всяком случае арест не привел к каким-либо серьезным последствиям, и в 1906 г. Карпович поступил в Московский университет. Он успел послушать лекции В. О. Ключевского, занимался в семинарах Д. М. Петрушевского и М. М. Богословского. В 1907/08 учебном году посещал лекции в Сорбонне. По окончании университета в 1914 г. он был оставлен при кафедре русской истории «для приготовления к профессорскому званию». Одновременно Карпович поступил на работу в Исторический музей помощником учебного секретаря. В 1916 г. его мобилизовали и направили на службу в Военное министерство, где он работал секретарем Особого совещания по обороне.

Судьбу Карповича после Февральской революции определила случайная встреча на улице с Б. А. Бахметевым, приятелем его родителей по Тифлису. Бахметев, товарищ (заместитель) министра промышленности и торговли Временного правительства, получил назначение на должность российского посла в США. Свежеиспеченный дипломат предложил Карповичу поехать в США в качестве его личного секретаря. В Вашингтоне, куда Чрезвычайная миссия во главе с Бахметевым прибыла в июне 1917 г., Карпович

² См.: *Зеньковский С.* Путь историка // Опыты. 1958. № 9. С. 52–60; *Юрьевский Е.* Семидесятилетие М. М. Карповича // РМ. 1958. 9 и 14 авг. *Керенский А. Ф.* М. М. Карпович // НЖ. 1959. № 58. С. 5–9; там же опубликован ряд некрологов, содержащих в то же время воспоминания о Карповиче и анализ его деятельности в различных областях: *Вернадский Г. М. М.* Карпович: Памяти друга // Там же. С. 9–11; *Каземзаде Ф. М. М.* Карпович. Памяти учителя // Там же. С. 12–14; *Вишняк М. В.* М. М. Карпович — политик // Там же. С. 15–23; *Гуль Р. М. М.* Карпович — человек и редактор // Там же. С. 24–29; см. также: *Тимаев Н. С.* М. М. Карпович // НЖ. 1960. № 59. С. 192–195; *Mosely Ph. E., Malia M. E., Chamberlin W. H., Mohrenschildt D. v.* Michael Karpovich, 1888–1959 // *Russian Review*. 1960. Vol. 19. No. 1. P. 56–76. *Раев М. М. М.* Карпович: русский историк в Америке // НЖ. 1995. № 200. С. 244–248; *Болховитинов Н. Н.* Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. Список далеко не исчерпывающий.

сделал головокружительную дипломатическую карьеру: личный секретарь посла стал секретарем посольства. Конечно, это было определено особым отношением к нему посла. Карповичу Бахметев доверял безгранично: их деловые и личные отношения поддерживались до смерти бывшего посла. Карпович до конца оставался для него «Мишенькой». Осенью 1919 г. Карпович даже получил предложение (скорее, предписание) прибыть в Омск на должность товарища министра иностранных дел правительства А. В. Колчака. Это объяснялось не только острой нехваткой «квалифицированных кадров» в «великой сибирской интеллектуальной пустыне», но и стремлением ослабить позиции Бахметева, которому не слишком доверяли в Омске. Назначение не состоялось в связи с катастрофой Белого движения в Сибири.

Дипломатическая карьера Карповича закончилась в июне 1922 г. в связи с закрытием российского посольства в Вашингтоне. Точнее, он продолжал сотрудничать по политической части в русском Финансовом агентстве в Нью-Йорке, которое теперь представляло интересы антибольшевистской России в США, и даже иногда замещал поверенного в делах (он же финансовый агент) С. А. Угета. Но это уже была дипломатия *ad hoc*, позволявшая подработать, не более того. Кроме того, Карпович, перебравшийся после закрытия посольства в Нью-Йорк, пытался зарабатывать на жизнь книжной торговлей.

В 1927 г. в судьбе Карповича вновь произошел крутой поворот — его пригласили прочесть семестровый курс по русской истории в Гарварде. Это была необыкновенная удача для человека, ничем еще не проявившего себя на поприще изучения русской истории. Рискнем предположить, что важную роль в этом приглашении сыграли как дефицит специалистов по истории России в США, так и прекрасный английский язык Карповича. Это был замечательный шанс возобновить академическую карьеру, прерванную мировой войной. Правда, уже совсем на другой почве (в прямом смысле этого слова) и на другом языке. Карпович этого шанса не упустил. Он преподавал в Гарварде 30 лет (с перерывом на стажировку в Праге, тогдашнем центре исторической науки «русского зарубежья»), прошел все ступени академической лестницы, от ассистента (*assistant professor*) до «полного профессора» (1946). В 1949–1956 гг. он заведовал кафедрой славистики. В 1943 г. стал американским гражданином.

Карпович не создал крупных научных трудов, хотя некоторые его статьи оказали серьезное воздействие на историографию, прежде всего «Ткачев — предшественник Ленина» и «Маклаков и Милюков: Два типа русского либерализма»³. «Зато» он был блестящим преподавателем, создавшим научную школу. Впрочем, «птенцы гнезда Карповича» придерживались нередко весьма различных взглядов на русскую историю. Не слишком большим преувеличением будет утверждение, что ученики Карповича определили «лицо» американской русистики второй половины XX в. Среди них были Ричард Пайпс, Мартин Малиа, Леопольд Хаймсон, Марк Раев, Николай Рязановский, Дональд Тредголд и другие. В сборнике статей в честь Карповича, выпущенном по случаю его выхода в отставку, опубликованы работы 27 его бывших студентов, ставших профессорами американских университетов⁴. Некоторые из них, в свою очередь, создали научные школы.

Относительно низкая научная продуктивность Карповича объяснялась не только его преподавательскими и административными обязанностями в Гарварде. Карпович

³ См.: *Karpovich M. A Forerunner of Lenin: P. N. Tkachev // Review of Politics. 1944. Vol. 6. P. 336–350; Karpovich M. Two Types of Russian Liberalism: Maklakov and Miliukov // Continuity and Change in Russian and Soviet Thought / Ed. by E. J. Simmons. Cambridge (Mass.), 1955. P. 129–143 (на рус. яз.: Карпович М. Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков // НЖ. 1960. № 60. С. 265–280).*

⁴ См.: *Russian Thought and Politics / Ed. by G. Fischer, M. E. Malia, H. McLean. Cambridge, Mass., 1957. (Harvard Slavic Studies; Vol. IV).*

был некоторое время соредактором (1941–1946), затем редактором (1947–1948) «Russian Review», основанного при ближайшем участии его бывшего патрона Б. А. Бахметева. Он никогда не порывал связи с русской эмиграцией и играл заметную роль в эмигрантской политике и культуре. Карпович принимал активное участие в создании «Нового журнала»⁵, сменившего до известной степени СЗ, с 1943 г., после ухода М. А. Алданова, стал соредактором М. О. Цетлина, а после его смерти единоличным редактором журнала (1945–1959). В НЖ Карпович опубликовал более 70 статей и рецензий. Особенно важными были его публикации в рубрике «Комментарии».

Кроме того, Карпович был фактически управляющим бахметевским Гуманитарным фондом (1936–1951), а после смерти его основателя и основного спонсора стал директором фонда (1951–1959). Это были главные, но не единственные «общественные нагрузки» гарвардского профессора. Карпович вел обширную переписку с авторами журнала, как, впрочем, и с другими деятелями русской эмиграции. Письма он писал собственноручно. Написал их многие сотни, если не тысячи⁶. Если к этому добавить заботы о тяжело больной жене и четверых детях, а также учесть тот факт, что Карпович был вынужден часто ездить из Кембриджа в Нью-Йорк, то его жизнь сладкой не назовешь. Впрочем, он сам выбрал такую жизнь. И прожил ее с достоинством и – если можно этот термин приложить к человеческой жизни – более чем эффективно.

Скончался М. М. Карпович 7 ноября 1959 г. в Кембридже (Массачусетс).

Ниже публикуются письма Карповича М. В. Вишняку, отложившиеся в фонде последнего в Lilly Library Университета Индианы в Блумингтоне. Письма Карповича относятся в основном к середине 1930-х гг. В них затрагиваются преимущественно два сюжета: попытки Вишняка перебраться в США и «получить место» в каком-нибудь американском университете и, в связи с этим, характеристика положения русских эмигрантов-интеллектуалов на американском университетском «рынке»; работа одного из первых докторантов Карповича, Оливера Радки, над диссертацией по истории партии эсеров. Радки имел, благодаря протекции Карповича, уникальную возможность общаться с героями своего исследования.

В качестве приложения в подборку включено письмо Вишняку П. А. Сорокина, некогда заметного деятеля партии эсеров, сделавшего в США блистательную академическую карьеру и многие годы возглавлявшего основанную им же кафедру социологии Гарвардского университета.

⁵ См.: Будницкий О. «Не погибать же всей зарубежной русской литературе»: к истории создания «Нового журнала» // Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000: Сборник статей / Под ред. Ю. А. Полякова и О. В. Будницкого. М., 2009. С. 132–147.

⁶ Эпистолярное наследие Карповича введено в научный оборот в незначительной степени. См.: Письма М. Карповича Г. Вернадскому / Публ., предисл. и коммент. М. Раева // НЖ. 1992. № 188. С. 259–296; «... Душевно тянусь». Письма Н. В. Вольского М. М. Карповичу (1956–1957) / Публ., вступ. ст. и примеч. А. Зейде // Диаспора. СПб.; Париж, 2007. [Вып.] 9. С. 355–380.

1. Карпович — Вишняку

Б. м. 25 января 1924 г.

25-I-24.

Многоуважаемый Марк Веняминович, я получил Ваше письмо от 29 XII и затем (через несколько дней после письма) отгис статьи. Я не мог ответить Вам немедленно по телефону, или даже письмом, т. к., к сожалению, «готовых связей» у меня в здешнем журнальном мире нет и надо было предварительно выяснить вопрос. Я обратился в две редакции, с к[ото]рыми я мог установить связь здесь в Нью-Йорке, но из обеих мне ответили, что статья не подходит для них по самому своему характеру. Я собирался обратиться к Mrs Strunsky¹, когда встретился с Владимиром Михайловичем [Зензиновым], вызвавшимся лично переговорить со Струнскими. Опираясь на Ваши инструкции, я передал статью В. М. [Зензинову].

Статья Ваша мне очень понравилась и показалась весьма интересной, но боюсь, что устроить ее в американскую прессу будет довольно трудно. Она велика по размерам и слишком «серьезна» по изложению. Я не знаю, знакомы ли Вы с американскими журналами. Грубо говоря, они разбиваются на три группы:

1) популярные «magazines» (еженедельные и реже — ежемесячные), где все преподносится «с перцем». Нужно бойкое фельетонное изложение, «доступность» для широкой массы читателей, сенсационность темы, желательны иллюстрации и т. п.

2) несколько более серьезные ежемесячные журналы типа английских «reviews». Но и в них статьи обычно гораздо элементарнее того материала, к которому мы привыкли в наших толстых журналах, и значительно меньше по объему. В эти журналы очень трудно устраивать статьи; иногда приходится ждать очередь месяцами.

3) специальные журналы — политические и исторические, издания разных учебных обществ; журналы, посвященные внешней политике, и т. д. Таких очень мало, их можно перечест по пальцам. Обычно это «quarterly», т. е. журналы, выходящие четыре раза в год, так что и в них статью протолкнуть не легко. Во многих из них другая крайность — стремление к академичности и боязнь «публицистики».

Очень трудно также, почти невозможно, устроить статью «вперед», не предъявив ее уже в переводе. Все это делает процесс устройства статьи чрезвычайно медленным. Надо ее сначала перевести, затем послать в одну редакцию, потом ждать (иногда два-три месяца) ответа; в случае неудачи толкнуться в другое место и т. д. Вы поймете поэтому, почему я не мог дать Вам немедленного или даже скорого ответа. За последнее время я получил несколько аналогичных запросов из Европы — от А. М. Михельсона², от Г. М. Лунца³, от М. А. Осоргина. На днях я

буду иметь специальный разговор с большим моим приятелем и замечательным переводчиком Эммануилом Моисеевичем Аронсбергом⁴ — не возьмется ли он переводить получаемые из Европы статьи и пытаться, с моей помощью, проводить их в американскую прессу с тем, чтобы, в случае успеха, делить гонорар с авторами пополам. Сам я не могу за это взяться, я ежедневно до 6 час[ов] веч[ера] занят на службе, а одних вечеров для этого недостаточно. Да в смысле перевода я и не стал бы тягаться с Аронсбергом. Если он согласится, я напишу Вам, Михельсону, Осоргину. Но не скрою от Вас, что вообще я смотрю на дело довольно пессимистически. Мне кажется, что здесь спрос на статьи русских авторов довольно ограниченный. Может быть, я ошибаюсь.

Аркадий Иосифович⁵ пустился в коммерческие дела. Как они у него идут, не знаю. Я передал ему Ваш привет. Очень мне было приятно встретиться и поговорить с Владимиром Михайловичем [Зензиновым]. В Европе «вас» много, а «мы» здесь чувствуем себя одинокими. Шлю Вам сердечный привет и крепко жму руку. Искренно Ваш

М. Карпович

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 65).

¹ Возможно, речь идет об Анне Струнковой, в замужестве Анне Уоллинг-Струнковой (Anna Walling Strunsky; 1879–1964), дочери русско-еврейских эмигрантов, деятельнице американского социалистического движения, писательнице и публицистке.

² Михельсон Александр Михайлович (1883–1976), экономист, специалист в области финансового права. Приват-доцент Московского университета, профессор университета Лозанны. В 1915–1918 гг. жил в Берне, был специальным корреспондентом по вопросам экономики ряда российских газет. С 1918 г. на положении эмигранта, в 1919 г. переехал в Париж. Экономический обозреватель ПН, вел раздел «Валютный рынок — Биржа». В 1920–1923 гг. сотрудник СЗ. Преподавал в Русском институте права и экономики при Юридическом факультете Парижского университета, во Франко-русском институте социальных и политических наук, в Русском коммерческом институте. Член Совета Объединения деятелей русского финансового ведомства, член-корреспондент Русского экономического общества в Лондоне.

³ Лунц Григорий Максимович (1887–1975), помощник кн. Г. Е. Львова в 1919–1920 гг., затем книготорговец.

⁴ Аронсберг Эммануил Моисеевич, переводчик, служил, по-видимому, в российском посольстве в Вашингтоне. Впоследствии в его переводе выходили «История России» (History of Russia. New York, 1925) С. Ф. Платонова и «Документы русской истории» (Documents of Russian History, 1914–1917. New York, 1927), изданные Фрэнком Голдером.

⁵ Вероятно, Аркадий Иосифович Зак, директор Русского информационного бюро в США в 1917–1922 гг., журналист, публицист.

2. Фондаминский — Карповичу

Grasse. 3 апреля 1932 г.

3 IV 1932

Дорогой Михаил Михайлович,
получив Ваше письмо, тотчас подписал вексель и отправил Лунцу. Надеюсь, что все устроено и вовремя. Рад, что Вы довольны Прагой и хорошо работаете. Еще больше

рад, что сошлись с Гессеном и Чиж[евским] и были согласны со Степунами. Очень рассчитываю, что Вы, присмотревшись, ближе подойдете к «Н[овому] гр[аду]». На днях выходит № 3. Мы живем хорошо. Я пишу уже 5-ю статью об Империи. Но боюсь, что Вам и 1-я не понравилась...¹

Если решите приехать сюда, сообщите мне, я Вам дам все указания. Но в Париже мы, во всяком случае, увидимся? Или Вы проедете без остановок?

А. О. [Фондаминская] и я шлем самый сердечный привет Татьяне Ник. [Карпович] и Вам.

Ваш И. Ф.

Публикуется по автографу (Bakhmeteff Archive. Karpovich collection). Почтовая открытка; адрес получателя: «Monsieur Karpovitch, Praha XVIII, Na Vypichu 1082, Prague, Tchecoslovaquie»; адрес отправителя: «Fondaminsky, Villa Beau-Site, Grasse»; почт. шт.: «Nice, 4.IV.32».

¹ См.: *Фондаминский И. И.* Пути России: Империя: [Гл. I] // СЗ. 1932. № 48. С. 304–333. Фондаминский опубликовал всего восемь статей об «Империи» в рамках цикла «Пути России»; пятая статья появилась в 54-й книге СЗ за 1934 г.

3. Карпович — Вишняку *Cambridge, Mass. 14 июня 1935 г.*

7 Trowbridge Place, Cambridge, Mass[achusetts], U. S. A.
14-VI-35

Дорогой Марк Веняминович!

В конце августа в Париже будет один из моих учеников по Гарвардскому университету Oliver H. Radkey¹ (произносится Радки). Он работает сейчас над своей докторской тезой, темой для к[ото]рой он, по собственному желанию, выбрал роль с. р. партии в революции 1917 года². Всю прошлую зиму он провел в Праге, работая в Историческом архиве³. Сейчас он едет на месяц в Россию, но более для отдыха и развлечения (как это ни странно, иностранцы могут ездить в Россию отдыхать и развлекаться), чем для занятий. Да и мало вероятно, чтобы по своей теме он мог найти в Москве что-нибудь, чего бы не было в Праге. В Праге он консультировал Постникова⁴, Чернова⁵ и Аргунова⁶ и, по его словам, получил от них ценные указания и разъяснения. Мне бы очень хотелось, чтобы по интересующим его вопросам он мог переговорить также с Вами и Вашими друзьями. Могли бы Вы уделить ему некоторое время, а также свести его с В. М. Зензиновым, В. В. Рудневым, Н. Д. Авксентьевым, может быть, еще с Ильюшей [Фондаминским] и с Соловейчиком⁷? Вам, конечно, будет виднее, с кем ему было бы полезно поговорить.

Радки совершенно свободно читает по-русски, а теперь, вероятно, и говорит, т. к. он всю зиму прожил у Изюмовых⁸, да и в архиве, несомненно, должен был объясняться по-русски. Думаю, что и [с] фактической стороной дела он ознакомился в достаточной степени. Это необычайно добросовестный (до педантичности) молодой человек, с закваской настоящего ученого. Очень неглупый и способный юноша. Но, конечно, в *понимании* русских событий ему еще многого не хватает. Есть

у него и некоторый «левый уклон», которым он ушиблен, как и многие здешние «liberals» из интеллигентной молодежи. Имейте все это в виду и не будьте к нему слишком требовательны. За интеллектуальную его порядочность я могу поручиться. Думаю, что некоторое время на него потратить стоит. За все, что Вы найдете возможным для него сделать, буду Вам очень благодарен.

Шлю Вам сердечный привет и крепко жму Вашу руку. Искренно Ваш

М. Карпович

P. S. Где сейчас Александр Федорович [Керенский]⁹? Мне кто-то писал или говорил, будто бы он переехал в Лондон. Так ли это? И если так — не можете ли Вы прислать мне его Лондонский адрес, т. к. мне ему надо написать по одному делу? Если бы и он был в Париже в конце лета, м. б. Вы могли бы устроить для Радки свидание с ним?

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 65). Вверху приписка карандашом: 11, Airly G[a]rd[e]ns, Campden Hill, L. W. 8.

¹ Радки Оливер (Oliver H. Radkey; 1909–2000), американский историк, автор исследований по истории партии эсеров и крестьянского сопротивления большевизму. Впоследствии преподавал в Техасском университете в Остине.

² Докторская диссертация Радки была издана более двух десятилетий спустя: *Radkey O. H. The Agrarian Foes of Bolshevism*. New York: Columbia University Press, 1958.

³ Имеется в виду Русский заграничный исторический архив (РЗИА), созданный в 1923 г. русскими эмигрантами и ставший крупнейшим собранием документов по истории русской революции, Гражданской войны и эмиграции за пределами России.

⁴ Постников Сергей Порфирьевич (1883–1964), видный деятель партии эсеров, издатель, публицист, журналист, библиограф. Зав. отделом печатных изданий (библиотекой) РЗИА.

⁵ Чернов Виктор Михайлович (1873–1952), многолетний лидер и крупнейший теоретик партии эсеров.

⁶ Аргунов Андрей Александрович (1867–1939), один из основателей и лидеров партии эсеров.

⁷ Соловейчик Самсон Моисеевич (1884 или 1887–1974), юрист, член партии эсеров, лидер эсеровской фракции в Одесской городской думе после Февральской революции. В эмиграции в Вене, затем Берлине и Париже. Ближайший помощник А. Ф. Керенского по выпуску газеты (затем еженедельника) «Дни».

⁸ Изюмов Александр Филаретович (1885–1951), архивист, историк; в 1922 г. выслан из Советской России. С 1925 г. заведующий отделом, с 1934 г. заместитель директора РЗИА.

⁹ Керенский Александр Федорович (1881–1970), адвокат, политический деятель, член партии эсеров; в 1917 г. министр юстиции, затем военный министр, с июля по октябрь 1917 г. — министр-председатель Временного правительства.

4. Карпович — Вишняку *West Wardsboro, Vt. 7 июля 1935 г.*

West Wardsboro, Vermont, U. S. A.

7-VII-35

Дорогой Марк Веняминович!

Спасибо за Ваше письмо и за готовность помочь Радки. Книги Ваши¹ и Чернова² он уже, несомненно, прочел (думаю, что он вполне овладел литературой предмета),

а на Вашу и Руднева рецензии на Черновскую книгу³ я ему укажу. Напишу ему также, чтобы он снесся с Вами или с Рудневым предварительно о времени его приезда в Париж.

Спасибо также за адрес Александра Федоровича [Керенского]. Что касается Вашего вопроса об Америке, то мне очень трудно ответить на него категорически. С одной стороны, Сорокин⁴ и Нойес⁵ правы в своих общих указаниях на неблагоприятное положение в здешних университетах. С др[угой] стор[оны], всегда могут быть случайные возможности устроиться даже и в настоящее время. Главных трудностей здесь две: 1) что Вы не говорите по-английски и 2) что Вы не здесь. Последнее очень существенно, т. к. по опыту знаю, как трудно здесь устроить кого-нибудь заочно. Американцы большое значение придают личному впечатлению от кандидата (если только это не «мировые знаменитости», как Ростовцев⁶ или Эйнштейн⁷). Получается своего рода заколдованный круг: чтобы получить место, надо приехать сюда, а чтобы приехать сюда, надо иметь место. В лучшем положении сейчас находятся немецкие эмигранты, потому что они сейчас в моде (на нас такой моды никогда не было, уж не знаю почему). Года полтора тому назад я писал Колумбийскому профессору Джонсону, ставшему во главе помощи немецким изгнанникам-ученым⁸, что им следовало бы, для беспристрастия и демонстрации академической солидарности по широкому фронту, распространить помощь и на русских, и на итальянцев. Он мне ответил, что «принципиально вполне со мной согласен, но по *тактическим соображениям*» приходится дело ограничить немцами. Тем моя попытка и кончилась. Письмо храню, как интересный документ.

Насчет еврейских учебных заведений здесь я ничего не знаю, никогда не было с ними контакта.

Как видите, обнадеежить Вас не могу. Но на всякий случай пришлите мне Ваше *scientific curriculum vitae*, с библиографией Ваших литературных работ. Кто знает, м. б., когда-нибудь какая-нибудь возможность подвернется. Понимаю, что Вы не можете ждать. И поэтому если что-нибудь определенное представится в Палестине, отказываться [нрзб] не следовало бы. Но признаюсь, что мне было бы жалко, если бы Вы уехали в Палестину. При всей интересности палестинского опыта, он все-таки носит локальный характер и как бы лежит вне «большой дороги». Здесь Вы были бы ближе к мировым и в частности к русским делам и здесь Вы могли бы продолжать и Вашу «обще-русскую» работу. Утратить Вас для нее было бы очень обидно.

Есть еще одна мысль. Можно было бы попытаться связаться с каким-нибудь американским учреждением, делающим *исследовательскую* работу в области международного права и международных отношений (Carnegie, Rockefeller, World Peace Foundation, разные общества Лиги Наций и т. д.). Для такой работы Ваше знание англ[ийского] языка было бы достаточным. Если бы удалось в качестве «спеца» по национальным меньшинствам или иной какой проблемы попасть в Америку, то это дало бы Вам, кроме заработка, время изучить язык, завязать связи и, м. б., подыскать преподавательское место. Не можете ли Вы использовать в этом направлении Ваши гаагские связи⁹ — не имеют ли к Гааге какого-либо отношения американские международники, как James Brown Scott¹⁰, John Benett Moore¹¹, Shotwell¹² и т. п.? Все это очень влиятельные люди, и все они связаны с разными *Foundations*, оттуда и сейчас идут

огромные средства на разные исследовательские работы. Не говорю, что это легко устроить. Вероятно, очень трудно, но об этом все-таки стоит подумать.

Пишу Вам сейчас из Вермонта, где провожу лето. На всех парах кончаю свою книгу о «происхождении большевицкой теории»¹³. Книга моя вылилась в исследование о судьбе «максималистической» концепции русской революции. В ней будет введение общего характера об условиях (объективных, субъективных) развития социализма в России, т. е. той общей атмосферы, которая питала «максимализм». Затем будет первая часть о до-марксистском периоде, т. е. глава о Герцене, Бакуanine, Чернышевском (в максимализме которого, вопреки Стеклову, я склонен сомневаться; в сущности неизвестно, что думал Чернышевский о русской революции; эта глава очень меня тревожит и смущает), Лаврове, Ткачеве¹⁴ и революционном народничестве (кончая Народной Волей¹⁵, где вопрос опять-таки становится довольно сложным)¹⁶. Затем — вторая часть: вводная глава о марксизме 90-х гг. и затем развитие концепции Ленина в до-военный период. Война и революция создала новое положение, и я их не включаю в свое исследование. Глав о Ленине будет 3–4. Может быть, будет еще заключительная глава: критическое рассмотрение попыток советских писателей установить преемственность большевизма от ранних течений в русском революционном социализме (вопрос о «наследствии»). Хотелось бы знать, что Вы думаете об этом плане. Знаю, что для русских читателей мало скажу нового (хотя и по-русски нет монографии, посвященной этому синтезу), но для американцев это будет ново и может быть интересно и поучительно.

Где сейчас Илья Исидорович [Фондаминский]? Все собираюсь ему писать. Какой его адрес сейчас? Как здоровье Амалии Осиповны [Фондаминской]¹⁷? Что делается у ново-градцев? Что-то они затихли и давно не было номера журнала¹⁸. Что это, чисто внешние обстоятельства, или же весь поток вышел? Мне казалось по последним номерам, что они никак не могут выйти из декларативной фазы, а ведь декларировать на разные лады все одно и то же общее положение долго нельзя.

Шлю Вам сердечный привет и крепко жму руку.

Ваш М. Карпович

P. S. Я здесь до 15 сентября. После того мой адрес 7, Trowbridge Place, Cambridge, Mass[achusetts], USA. Есть некоторая возможность, что я поеду в Европу месяца на два весной (март–апрель 1936 года). Рад буду навестить всех друзей.

Есть ли что-нибудь существенное для моей темы во фр[анцузской] книге Слонима «От Петра Вел[икого] до Ленина»¹⁹?

Можете ли Вы прислать мне экземпляр Вашего «Учредит[ельного] собрания»²⁰? Я его давно уже заказал для нашей университетской библиотеки, но по какому-то недоразумению книга получена не была. Между тем мне надо ее иметь под рукой для моей работы. Напишите мне, сколько это будет стоить, включая пересылку, и я Вам пошлю перевод. Заранее благодарю.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 65) (см.: Илл. 2).

¹ См.: *Вишняк М. В.* Всероссийское учредительное собрание. Париж: Совр. записки, 1932.

² См.: *Чернов В. М.* Рождение революционной России: (Февр. революция). Париж [и др.]: Юбил. ком. по изд. тр. В. М. Чернова, 1934.

³ См.: *Вишняк М. В.* Февральская революция в толковании В. М. Чернова // Свобода. 1935. Июль. № 3. С. 4–11; *Руднев В. В.* Виктор Чернов. Рождение революционной России // СЗ. 1935. № 58. С. 490–493.

⁴ Сорокин Питирим Александрович (1889–1964), социолог, приват-доцент Петроградского университета; эсер; в 1917 – начале 1918 г. член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, секретарь председателя Временного правительства (А. Ф. Керенского) по вопросам науки, член бюро фракции эсеров Учредительного собрания. В январе 1918 г. арестован, в октябре 1918 г. заявил о выходе из партии эсеров и прекращении политической деятельности. Выслан из Советской России в 1922 г., жил в Чехословакии, в октябре 1923 г. переехал в США. С 1924 г. профессор Университета Миннесоты, с 1930 г. – Гарвардского университета, в котором создал факультет социологии.

Приводим ниже письмо Сорокина Вишняку от 5 октября 1934 г. (на бланке: «Harvard University, Department of Sociology, Emerson Hall, Cambridge, Mass[achusetts], U.S.A.»), в котором говорится о возможности (точнее, невозможности) получить работу, хотя бы временную, в американских университетах для иностранных специалистов:

«Дорогой Марк Вениаминович,

рад был получить Ваше письмо, несмотря на печальный характер его содержания, но искренно опечален, что я должен ответить на Ваши вопросы отрицательно, несмотря на мое желание помочь. Насколько я знаю положение здесь, сейчас едва ли есть возможность получить приглашение на курс лекций от амер[иканских] унив[ерсите]тов, кроме, м. б., мировых знаменитостей.

Если есть такая возможность, нужно исключительно благоприятное сочетание обстоятельств. Дело в том, что депрессия вызвала значительную безработицу среди амер[иканских] профессоров и преподавателей. Затем из Германии нахлынула группа ученых и интелл[иген]ции, часть коей “рассосалась” по унив[ерсите]там, большинство же образовало свой “вольный унив[ерсите]т” при New School of Social Research, N[ew] Y[ork]. Все это повело к сокращению приглашений иностранцев. Даже Harvard – богатейший из всех унив[ерсите]тов – и тот почти свел на нет это за эти годы. Затем, раз на “рынке” сейчас много первоклассных специалистов, унив[ерсите]ты, естественно, предпочитают пригласить “первоклассного” ученого, а не второстепенного или журналиста. В моем, напр., депар[тамен]те в бюджете нет ничего на случайные лекции. Я пригласил на 2-й семестр этого года немецкого социолога L. von Wiese (тоже покинувшего Германию), бывшего директора и редактора “Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie” и немец[ко]го исслед[ователя] социол[огического] ин[ститу]та. Но моя рекомендация была санкционирована презид[ен]том ин[ститу]та унив[ерсите]та, потому что он крупный ученый в области социологии.

Частные агентства устраивания лекций или обанкротились, или страшно сократили свои операции.

В силу этих и подобных условий я не думаю, что сейчас или в ближайшее будущее шансы на приглашение Вас или ряда других русских (многие писали мне) значительны. Harvard будет принимать в 1936 г. летом ряд самых крупных ученых мира во всех областях для немногих лекций и symposium’ов по поводу 300-летия унив[ерсите]та. Но это далеко еще; затем (вчера мы – очень небольшая группа “тузов” Harvard’a как раз обсудили имена у президента) только “светила науки” (напр., такие, как Павлов И. П.) получают такие приглашения.

Очень жаль, если “Совр[еменные] зап[иски]” кончатся. В общем они выполняли важную миссию, и выполняли недурно.

За последние три-четыре года я имел возможность давать кой-какую работу – черновую – ряду русских ученых в Европе и т[аким] о[бразом] доставлять им некий заработок, расходуя от 2000 до 3000 долларов в год на это. Но эти деньги даются мне для assistantship в моих исследованиях по социальной динамике (большая работа, над коей работаю уже ряд лет и конца ее еще не видно), и я не могу их тратить на иные дела. Вдобавок сейчас “черная

работа” уже сделана, и я должен раскоfодовать деньги на помощь здесь: таблицы, подсчеты, диаграммы и т. д. — т. к. эта часть не может быть выполнена без ежедневного общения и указаний с моей стороны.

Я пока что живу all right. Жаловаться не приходится ни на что: ни на матер[иальные], ни духовн[ые] условия в моей работе. Вы, вероятно, слышали, что после 20 лет поисков социолога Harvard выбрал меня создать кафедру социологии, и теперь эта кафедра развернута в большой департ[амент] (с 20 профессорами, рядом преподавателей и т. д.), руководимый мной и созданный мной. К моему изумлению, у меня, оказывается, престиж, и, по-видимому, мировой, в моей области, хотя я знаю, что я знаю очень мало и понимаю в соц[иальной] жизни того меньше. Но, по-видимому, на “безрыбье и рак рыба”, т. к. другие-то социологи понимают и знают, по-видимому, еще меньше. Ряд книг, около 10 томов, опубликованных здесь по-английски, переведены на ряд языков (и опять к моему изумлению). Словом, занимая самую завидную кафедру социологии в мире, мне жаловаться не на что. Имея такие условия и живя в период катастроф, пользуюсь теперь случаем этого благополучного затишья, чтобы написать нечто действительно важное. Вероятно, выйдет “блин комом”. Но зная, что я могу писать, так как другие “знаменитости” пишут в моей области, не хочу больше марать бумагу на просто хорошие работы. Отсюда затея “Соц[иальной] динамики”.

Так как я отвел себе роль “наблюдателя чело[веческих] дел”, никакой активной политической не занимаюсь сейчас. Да и не тянет.

Ну, будьте здоровы и благополучны. Ваш П. Сорокин

P.S. В августе 1935 г. рассчитываю на короткое время быть в Европе — в Брюсселе, на съезде Межд[ународного] социол[огического] ин[ститу]та, коего первым вице-президентом без меня меня выбрали, и потому приходится быть там, хотя теперь я редко и здесь бываю на съездах Амер[иканского] соц[иологического] об[щест]ва. Может быть, и увидимся, если Вы будете в Париже?» (Lilly Library. Vishniak papers. F. 128).

⁵ Нойес Джордж Рапалл (George Rapall Noyes; 1873–1952), американский славист, профессор Калифорнийского университета (Беркли).

⁶ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952), русский историк-античник и археолог, академик. В описываемое время — профессор Йельского университета.

⁷ Эйнштейн Альберт (Albert Einstein; 1879–1955), физик, лауреат Нобелевской премии (1921), с 1933 г. профессор Принстонского университета.

⁸ Джонсон Элвин (Alvin S. Johnson; 1874–1971), экономист, один из основателей и директор (с 1922 г.) Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке; возглавил движение за спасение европейских ученых (преимущественно германских евреев) в период нацистской диктатуры. Специально для ученых — эмигрантов из Европы в рамках Новой школы был создан Университет в изгнании.

⁹ Летом 1932 г. Вишняк был приглашен (по-видимому, при содействии известного юриста-международника Б. Э. Нольде) прочесть в Академии международного права в Гааге курс лекций о положении апатридов (лиц без гражданства). Очевидно, это и подразумевал Карпович под «гагскими связями» своего корреспондента.

¹⁰ Scott James Brown (1866–1943), американский юрист, специалист по международному праву, профессор ряда университетов.

¹¹ Несомненно, имеется в виду John Bassett Moore (1860–1947), специалист в области международного права, профессор Колумбийского университета, неоднократно занимавший различные посты в Госдепартаменте, член Гаагского трибунала в 1912–1938 гг.

¹² Shotwell James Thomson (1874–1965), историк международных отношений, участник ряда международных форумов, входил в группу консультантов президента В. Вильсона на Парижской мирной конференции 1919 г., принимал деятельное участие в создании Международной организации труда (1919).

¹³ Подобной книги Карповича в печати не появилось.

¹⁴ Карпович перечисляет русских публицистов, теоретиков народнического социализма Александра Ивановича Герцена (1812–1870), одного из основателей анархизма Михаила Александровича Бакунина (1814–1876), Николая Гавриловича Чернышевского (1828–1889), Петра Лавровича Лаврова (1823–1900), Петра Никитича Ткачева (1844–1886). Он упоминает монографию деятеля революционного движения, публициста и историка Юрия Михайловича Стеклова (наст. фам. Нахамкис) (1873–1941) «Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность» (М.; Л.: ГИЗ, 1928. Т. 1–2), в которой Чернышевский изображался революционером и предшественником российской социал-демократии.

¹⁵ Революционное народничество — движение русской разночинной интеллигенции 1860–80-х гг., вдохновлявшееся идеей построения социализма на основе крестьянской общины, минуя капитализм. «Народная воля» — организация революционеров-народников, перешедших к политической борьбе, ранее отрицавшейся большинством участников народнического движения, считавших, что надо стремиться к социальной революции, а не к политической, которая принесет пользу только буржуазии. «Народная воля» перешла к заговорщическо-террористической тактике. Пик ее деятельности пришелся на 1879–1881 гг., увенчавшись убийством императора Александра II 1 марта 1881 г. После этого деятельность «Народной воли», ослабленной арестами лидеров после царевубийства и не имевшей сколько-нибудь широкой поддержки в обществе, пошла на спад, фактически прекратившись к 1883 г., хотя отдельные кружки народовольческого толка продолжали возникать в 1880-х — начале 1890-х гг.

¹⁶ Приписка Карповича на полях к данному пассажи: «С[оциалистов]-р[еволюционеров] максималистов я не включаю за недостатком места».

¹⁷ А. О. Фондаминская скончалась 6 июня 1935 г. в Париже, т. е. в тот момент, когда Карпович справлялся о ее здоровье, Амалии Осиповны уже не было в живых.

¹⁸ Новый град: Филос., религ. и культ. обзор / Под ред. И. Бунакова, Ф. Степуна, Г. Федотова (с № 7 И. Бунакова и Г. Федотова). Париж, 1931–1939. № 1–14. Журнал выходил по началу ежеквартально (1932), затем — раз в полгода (1933–1934), с 1935 г. один раз в год.

¹⁹ Имеется в виду книга публициста и литературного критика, видного деятеля партии эсеров Марка Львовича Слонима (1894–1976) «De Pierre le Grand à Lénine» ([Paris:] Gallimard [1933]).

²⁰ См. примеч. 1 к наст. п.

5. Карпович — Вишняку

West Wardsboro, Vt. 5 августа 1935 г.

West Wardsboro, Vermont

5-VIII-35.

Дорогой Марк Веньяминович!

Получил Ваше письмо с *notice biographique* и книгу. За то и другое большое Вам спасибо. О смерти Амалии Осиповны [Фондаминской] я узнал скоро после того, как написал Вам. Дело в том, что «*Посл[едние] нов[ости]*» мне сейчас присылают из Кембриджа¹ после того, как их там читают в двух русских домах, так что я получаю их пачками с большим опозданием. Не могу сказать Вам, как сильно меня поразила эта горестная весть. Правда, И. И. [Фондаминский] написал мне о болезни А[малии] О[сиповны], но из его коротеньких писем я не получил понятия о серьезности ее болезни. С А[малией] О[сиповной], как и с Ильюшей [Фондаминским], меня связали очень дорогие для меня воспоминания, восходящие к 1907–1908 гг., и с первого же знакомства я, как и многие другие, подпал под очарование ее необыкновенно

привлекательной внешности. О том, что ее потеря должна значить для Ильюши, боюсь и думать. Как он теперь живет — совсем один или с ним — кто-то из близких? Где сейчас Владимир Михайлович [Зензинов]?

И мне было жалко, что я не мог поговорить с Вами о своей работе, как и о многом другом, когда был в Париже. Вообще мое пребывание там вышло очень суматошным и как-то мало меня удовлетворило. Но теперь уж это не поправишь.

Спасибо за Ваше указание на книгу Суварина². Я даже позволяю себе, не спросив предварительно Вашего согласия, обременить Вас просьбой: купить для меня эту книгу и вместе с книгой Слонима прислать мне сюда по возможности скорее. Перевел Вам почтовым переводом 5 дол. (около 75 фр.). Если останутся деньги, хочу еще просить Вас купить и послать в Москву моей матери книгу Барбюсса о Сталине³. Она меня давно просит ей это произведение прислать. С матерью моей на старости лет случился некий казус. В прошлом совершенно индифферентная к политике, и в общем женщина очень умная, она вдруг прониклась теперь советским энтузиазмом, по-видимому, вполне искренним. Разубедить ее я не могу (из соображений о ее же безопасности, хотя она с непонятной наивностью все время вызывает меня на «дискуссию») и не хочу, т. к. знаю, что этот энтузиазм скрашивает ее мало счастливую жизнь. Вот в порядке этого энтузиазма она и жаждет прочесть славословия Барбюсса. Адрес ее такой: Наталии Михайловне Терентьевой (это моя сестра), для М. Е. Карпович, Москва, Б[ольшой] Кисельный пер., д. 8, кв. 20.

За исполнение моей просьбы буду Вам очень признателен.

О деле нашем буду помнить и постараюсь сделать что смогу.

Пока всего лучшего. Крепко жму руку. Сердечно Ваш

М. Карпович

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 65).

¹ Имеется в виду Кембридж (штата Массачусетс), на территории которого находится Гарвардский университет.

² Несомненно, имеется в виду книга Бориса Константиновича Суварина (Souvarine) (1895–1984), французского коммуниста русско-еврейского происхождения «*Staline, aperçu historique du bolchévisme* [Сталин. Очерк истории большевизма]» (Paris: Plon, 1935).

³ Имеется в виду книга французского писателя Анри Барбюсса (Barbusse) (1873–1935) «*Staline; un monde nouveau vu à travers un homme* [Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир]» ([Paris:] E. Flammarion, [1935]).

6. Карпович — Вишняку
West Wardsboro, Vt. 3 сентября 1935 г.

West Wardsboro, Vermont, U. S. A.
3-IX-35.

Дорогой Марк Веняминович!

Большое Вам спасибо за книги. Пока получил Ваше «У[чредительное] с[обрание]» и Суварина. Слоним пока еще не пришел. Книга Суварина выглядит очень основательно, и я предвкушаю удовольствие от внимательного с ней ознакомления. Спасибо Вам также, что отправили Барбюсса моей матери. Вероятно, ей было бы

много полезнее прочесть книгу Суварина, но боюсь, что советская цензура ее бы не пропустила. М[ежду] пр[очим], на днях прочел о смерти Барбюсса в Москве. Вероятно, и его похоронят под кремлевскими стенами, как в свое время похоронили Рида¹.

Очень это курьезно вышло, что Вы так случайно встретили Сорокина на улице. Рад, что Ваша встреча с ним сложилась так удачно. Думаю, что он может помочь, если захочет. У него здесь большой вес и связи, и чин «генеральский». П. А. [Сорокин] очень хороший по существу человек и умеет быть милым, но иногда на него что-то наскакивает, и тогда я по крайней мере говорить с ним не умею. Между нами говоря, временами он имеет тенденцию «заноситься». С упоением говорит о своих успехах, которые действительно весьма значительны, но слушать о них *à la longue*² становится скучновато. Были у меня с ним неприятные моменты и другого рода, когда я как раз просил его помочь в устройстве здесь (признаюсь, достаточно проблематическом) русских ученых (в частности, Гессена³), и он окатил меня ушатом холодной воды, прочитав лекцию на тему о том, что каждый сам должен пробивать себе дорогу в жизни, что русская эмиграция в Европе сама виновата, что попала в такое трудное положение («Что он делал все эти годы? Почему Гессен не сумел устроиться в Чехословакии» и т. д.), так что я просто сбросил разговор. Пишу Вам об этом не потому, что хочу «сплетничать», а чтобы подчеркнуть, насколько удачно Вы с ним поговорили. Либо он теперь вообще смягчился, либо сыграло свою роль его общее с Вами прошлое.

Недавно прислали мне на заключение (стоит ли печатать) рукопись английско-го перевода черновской истории революции. Перевод этот, в некотором сокращении, включает в себя не только уже напечатанный по-русски первый том⁴, но и еще не напечатанный второй (до большевицкого переворота). Первый том Вы знаете. Не знаю, видели ли рукопись второго, где самые «ягодки»-то и показываются. Написано очень ловко, хотя временем с несносными потугами на «красивость» (в которых есть нечто от Луначарского⁵). Критика ошибок Врем[енного] пр[авитель]ства производит впечатление на иностранных читателей. За собою автор скромно оставляет роль проницательного государственного деятеля, который тогда уже все правильно понимал и предвидел. Так как при этом он подчеркивает свою руководящую роль в партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] (о себе он пишет в третьем лице и даже дает курьезную автохарактеристику, подчеркивая между прочим свою «широкую славянскую натуру»!), а последнюю называет «владычицей дум и чайний много-миллионного русского крестьянства», то остается не совсем понятным, почему он не мог устроить революции, как ему хотелось, и создать то правительство Чернов — Церетели⁶, которое, по его словам, явно могло бы спасти положение. Сам он объясняет неудачу тем, что партия в решительный момент не поддержала его и его политики и, конечно, кознями Керенского. Выпады против последнего — самая неприятная часть книги. Очень уж не-джентльменский характер они носят. Он достаточно прозрачно намекает, что движущей пружиной действий Керенского было голое личное честолюбие: из зависти к Церетели А. Ф. [Керенский] выжил его из правительства; тем же чувством объяснялось отрицательное отношение А. Ф. [Керенского] к нему, Чернову; наступление было задумано для приобретения Керенским военной славы⁷ и большего политического престижа и т. д.

Я все-таки посоветовал издательству книгу издать, несколько ее сократив, т. к. в ней много деталей, для иностранных читателей малоинтересных и просто непонятных⁸. В ней много интересного фактического материала, да и почему бы американцам не ознакомиться с точкой зрения Чернова? Беда только в том, что нет на иностранном языке ни одной основательной книги, которая давала бы освещение революции с нашей «средней» точки зрения. Книги А. Ф. [Керенского] при всех их достоинствах носят слишком личный характер (вторая, на мой взгляд, много лучше первой) и недостаточно документированы⁹. Истории же Троцкого¹⁰ и Чернова носят внешне «научообразный» характер, чем и импонируют читателю.

Вы, конечно, знаете из газет об американском протесте в Москве по поводу съезда третьего Интернационала. И первая нота, и только что опубликованное заявление Госуд[арственного] Секретаря звучат чрезвычайно резко¹¹. И все-таки я думаю, что дальше этого дело не пойдет. Разрыв дипломатических сношений мало вероятен. Но создававшаяся атмосфера представляет разительный контраст с той манифестацией американо-советской дружбы, которая царила во время пребывания здесь Литвинова и сейчас же после признания. Тогда ведь Рузвельт даже потревожил тень Джефферсона, уверяя, что оба правительства одинаково воодушевлены его идеями¹²!

Мы доживаем наши последние недели в Вермонте. Скоро начнется моя академическая страда, с которой как-то придется совместить окончательную отделку книги.

Шлю Вам сердечный привет. Искренно Ваш

М. Карпович

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 65).

¹ Барбюс, однако же, в отличие от американского журналиста Джона Рида (John Reed; 1887–1920), автора знаменитой книги о русской революции «Десять дней, которые потрясли мир» (1919), был похоронен не у Кремлевской стены, а в Париже на кладбище Пер-Лашез.

² в отдаленной перспективе (франц.).

³ Гессен Сергей Иосифович (1887–1950), философ, публицист, литературовед. С 1921 г. в эмиграции в Берлине, в 1923–1924 гг. профессор Русского научного института; с 1924 г. в Праге — профессор Русского юридического факультета, Русского педагогического бюро (института), редактор журнала «Русская школа за рубежом» (1923–1929, 1937–1939). В 1934 г. переехал в Варшаву, преподавал в Варшавском университете.

⁴ См.: *Чернов В. М.* Рождение революционной России: (Февр. революция). Париж [и др.]: Юбил. ком. по изд. тр. В. М. Чернова, 1934.

⁵ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), деятель партии большевиков, публицист, нарком просвещения в 1918–1929 гг. Среди прочего, писал пьесы, отличавшиеся редкостной безвкусицей и напыщенностью.

⁶ Церетели Иракий Георгиевич (1882–1959), один из лидеров меньшевиков, с 5 мая по 24 июля 1917 г. министр почт и телеграфов во Временном правительстве, с 8 июля одновременно исполнял обязанности министра внутренних дел. В. М. Чернов входил в состав Временного правительства с 5 мая по 26 августа 1917 г., занимал пост министра земледелия.

⁷ Имеется в виду наступление русской армии в июне 1917 г., закончившееся тяжелым поражением.

⁸ Сокращенный перевод книги В. М. Чернова о русской революции вышел уже в следующем году: *Chernov V.* The great Russian revolution / Translated and abridged by Ph. E. Mosely. New Haven: Yale University Press, 1936.

⁹ Очевидно, имеются в виду: *Kerensky A. F.* The catastrophe; Kerensky's own story of the

Russian revolution. New York; London: D. Appleton and company, 1927; и *Kerensky A. F. The crucifixion of liberty* / Translated by G. Kerensky. New York: The John Day company [1934].

¹⁰ См.: *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Берлин: Гранит, 1931. Т. 1; 1933. Т. 2. Ч. 1–2.

¹¹ Речь идет о VII конгрессе Коммунистического интернационала, проходившем с 25 июля по 21 августа 1935 г. в Москве. В конгрессе участвовали представители компартии США. 25 августа посол США в СССР У. Буллит обратился к исполняющему обязанности наркома иностранных дел Н. Н. Крестинскому с нотой протеста, в которой обращал его внимание на «деятельность, означающую вмешательство во внутренние дела Соединенных Штатов и имевшую место на территории СССР в связи с VII всемирным конгрессом Коммунистического Интернационала» и выражал по этому поводу «решительный протест». Буллит указывал, что проведение конгресса противоречит обязательствам, которые взял на себя СССР в ходе переговоров об установлении дипломатических отношений между СССР и США, в частности, «не допускать образования или пребывания на своей территории каких-либо организаций или групп [...] имеющих целью свержение или подготовку свержения или изменения силой политического или социального строя» США. Эти обязательства были приняты от имени правительства СССР наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым в письме на имя президента США Ф. Рузвельта от 16 ноября 1933 г. Характерно, что текст письма Литвинова в СССР, в отличие от США, обнародован не был. После того как протест Буллита был отклонен, 31 августа 1935 г. последовало гораздо более резкое заявление Государственного секретаря США К. Хэлла о советско-американских отношениях, в котором указывалось на нарушение Советским Союзом ранее принятых на себя обязательств. На СССР возлагалась ответственность за возможный ущерб или даже «уничтожение возможности сотрудничества». См. подробнее: Советско-американские отношения 1934–1939. Документы. М.: Международный фонд «Демократия»; Издательство Йельского университета, 2003. С. 341–362.

¹² Речь идет об установлении дипломатических отношений между СССР и США. Нарком по иностранным делам СССР Максим Максимович Литвинов (1876–1951) прибыл в США 7 ноября 1933 г. для урегулирования последних вопросов, мешавших признанию. Он был принят президентом США Франклином Делано Рузвельтом (1882–1945), сторонником признания СССР. Дипломатические отношения были установлены в результате обмена нотами между Рузвельтом и Литвиновым 16 ноября 1933 г. После установления отношений состоялся ряд встреч Литвинова с американскими политиками и предпринимателями, нередко сопровождавшихся пышными банкетами. Так, 24 ноября 1933 г. в Нью-Йорке по инициативе Американско-русской торговой палаты был организован прием, на котором присутствовало около 2 тыс. человек. Томас Джефферсон (1743–1826), тень которого все «потревожил» Рузвельт, — политический деятель и философ, 3-й президент США (1801–1809), автор Декларации независимости.

7. Карпович — Вишняку

West Wardsboro, Vt. 21 сентября 1935 г.

West Wardsboro, Vt., U. S. A.

21-IX-35.

Дорогой Марк Веньяминович,

получил Вашу открытку и книгу Слонима. И за то, и за другое — спасибо! Книгу Слонима просмотрел и вижу, что там ничего для моей цели нужного нет. Но зато совесть спокойна, что не пропустил чего-нибудь существенного.

Рад был узнать, что Ваши шансы на приглашение в Евр[ейскую] Учительскую Семинарию¹ стоят довольно высоко. Конечно, условия далеко не блестящие, но ведь это только для начала, затем они могут улучшиться. Главное же, что Вы будете в Америке и тогда будет гораздо легче попытаться перевести Вас на «общее-американские рельсы». Сильно надеюсь, что общими усилиями Ваших друзей удастся со временем устроить для Вас либо исследовательскую, либо преподавательскую (университетскую) работу. В Вашей способности понять английский язык и вообще приспособиться к местным условиям я не сомневаюсь. Боюсь только, что после Парижа Вам в Нью-Йорке будет очень неудобно. Лично я, прожив в Нью-Йорке 5 лет, сильно его невзлюбил. Вероятно, по старомодности своей никак не могу воспринять ту его «своеобразную красоту», о к[ото]рой говорят поклонники современных масштабов и темпов. Меня он просто утомляет и раздражает своим шумом, бестолочью и, как мне кажется, отсутствием какого бы то ни было выдержанного стиля. И еще Вам надо подготовиться к «шоку» от соприкосновения с русской колонией в Америке. После Парижа она покажется Вам потрясающе «провинциальной». Если Вы когда-нибудь видели «лучшую» нашу газету, «Новое русское слово», Вы сразу поймете, о чем я говорю. Трудно представить себе большее несоответствие, чем то, которое существует между численностью здешней русской эмиграции и скудостью ее культурных сил и ресурсов.

Если, как Вы пишете, вопрос о Вашем приглашении выяснится только через 2 месяца, то когда же Вы сюда приедете: этой же зимой, т. е. уже после начала академического года, или же только к следующему (1936–37) академическому году? Между прочим, как называется по-английски Семинария, кто стоит во главе ее и от кого персонально, насколько Вы знаете, зависит Ваше приглашение? Спрашиваю на тот случай, если бы паче чаяния я мог оказать дополнительное давление в Вашу пользу. Что Вы там будете преподавать, если Вас пригласят?

Мой ученик Радки (Radkey) отнюдь не намерен бросать тему своей диссертации. Постников и Изюмов писали мне из Праги, что он фактически кончил собрание материала, и по их впечатлению одолел это очень основательно. Летом он ездил в Россию (не для занятий, а как турист), и в августе вернулся оттуда очень утомленным и в довольно плохом физическом состоянии. Может быть, это задержало его в Праге. Надеюсь все-таки, что он не отказался от своей мысли остановиться на обратном пути в Париже для беседы с Вами и Вашими друзьями. Мне он давно не писал, так что я ничего не знаю о его последних планах.

Завтра переезжаем в Кембридж, а послезавтра начинаются мои университетские занятия. Книгу я летом все-таки не кончил, и придется делать ее отрывками уже в Кембридже.

Шлю Вам сердечный привет. Искренно Ваш

М. Карпович

Зимний адрес: 7 Trowbridge Place, Cambridge, Mass[achusetts].

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 65).

¹ Очевидно, имеется в виду Еврейская теологическая семинария (Jewish Theological Seminary) в Нью-Йорке, высшее религиозное учебное заведение консервативного направления. Еврейская теологическая семинария основана в 1886 г., с 1909 г. в ее состав входит учительская семинария.

8. Карпович — Вишняку
Cambridge, Mass. 19 февраля 1936 г.

7 Trowbridge Place, Cambridge, Mass[achusetts], U. S. A.
 19-II-36.

Дорогой Марк Веньяминович!

Спасибо за Ваше письмо от 9-го II[?]. Сейчас очень тороплюсь и потому ограничусь только несколькими строками. Мы с женой отплываем из Нью-Йорка 24-го апреля. 29-го будем в Шербурге и, вероятно, в тот же день в Париже. В Париже проведем с неделю, так как к 10-му мая я уже хотел бы осесть в Праге и начать заниматься. В Праге удастся пробыть только шесть недель. 25-го июня тронемся в обратное плавание из Бремена, 29-го будем в Нью-Йорке, а 6-го июля у меня уже начинается летняя сессия.

В Париже я, конечно, повидаюсь с Вами и общими друзьями. Для этого я туда и еду. По приезде сейчас же сойду с Вами и буду просить Вас устроить мне свиданье и с другими «отельцами».

Радки Ваше поздравление передал. Он был очень тронут и просил благодарить. Жены моей еще не видел. Работа его продвигается верно, но медленно. Мне он написал 2 вступительные главы: 1) теория и программа с[оциалистов]-р[еволюционеров] и 2) очерк истории партии по 1917 г. До лета ему едва ли удастся кончить работу. М[ежду] пр[очим], мы с ним нашли в «*Каторге и ссылке*» за 1931 год (№ 2) воспоминания Светицкого¹ о «предфеврале»², в которых рассказываются разные любопытные вещи об с[оциалистах]-р[еволюционерах] в Петербурге во время войны. Кое-что в этих воспоминаниях для моего уха звучит лживо или во всяком случае мало правдоподобно. Вот я и хочу спросить Вас, насколько можно доверять Светицкому, т. е. 1) насколько он действительно занимал в то время столь «центральное» положение в партии, как он это изображает³ и 2) насколько его воспоминания окрашены его вынужденным или добровольным примиренчеством по отношению к советской власти. Еще один вопрос, тоже для Радки. Я передал ему подаренный мне 4-й номер «*Свободы*» с напечатанными Рудневым записками о прениях в Божии⁴, и он нашел этот документ очень для себя важным. Под документом стоит «окончание следует». Как быстро можно ожидать появления этого окончания? И если там не очень много осталось, нельзя ли было бы получить копию до опубликования (мы бы охотно покрыли связанные с этим расходы)?

Итак, до скорого свиданья. Всего лучшего. Крепко жму Вашу руку. Сердечно Ваш
 М. Карпович

P. S. На днях буду говорить с Н. А. Сорокиным о возможности что-нибудь здесь для Вас устроить.

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 65).

¹ Так в тексте, правильно — Святицкий.

² См.: *Святицкий Н. В.* Война и предфевралье // *Каторга и ссылка*. 1931. № 2. С. 7–50.

³ Святицкий Николай Владимирович (1886–1937), помощник присяжного поверенного, эсер. В 1917 г. редактор «Партийных известий», делегат I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, секретарь комиссии ЦК партии социалистов-революционеров по выборам в Учредительное собрание. Депутат Учредительного собрания и его первый историк. Автор книги «Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание»

(М. Земля и воля, 1918). Член антибольшевистского Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) в 1918 г. Затем выступил в поддержку советской власти, входил в группу «Народ». В 1920-е гг. работал экономистом в советских учреждениях, в 1922 г. выступал свидетелем на процессе эсеров в Москве. В начале 1930-х гг. сослан в Казахстан, в 1937 г. расстрелян.

⁴22 августа 1914 г. в местечке Божы (Швейцария) состоялось «частное совещание» видных деятелей партии эсеров «о линии поведения в условиях мировой войны». На совещании в Божы определились два течения среди эсеров — оборонческое и интернационалистское. См.: *Руднев В. В.* Из истории партии (Заграничное Совещание Центральных Работников Партии с.-р. 22 августа 1914 г.) // Свобода. 1935. Дек. № 4. С. 13–18. Окончание публикации см.: Свобода. 1936. Июль. № 5. С. 6–10. Ср. также: *Руднев В. В.* Двадцать лет тому назад // СЗ. 1934. № 56. С. 375–393.

9. Карпович — Вишняку *Cambridge, Mass. 31 марта 1936 г.*

7 Trowbridge Place, Cambridge, Mass[achusetts], U.S.A.
31-III-36.

Дорогой Марк Веняминович,

планы мои окончательно определились. Невзирая на Гитлера, отплываем из Нью-Йорка 24 апреля (и при том на немецком пароходе), 29-го высаживаемся в Шербурге, и в этот же день поедem в Париж. В Париже [мы] будем только неделю, т. к. мне надо торопиться для з[анятий?] в Прагу. Повидать же хочется очень многих. Б[ез Ваш]его тщательного «планирования» получится суета. [1 слово утрачено] просит Вас в этом «планировании» немного [1 слово утрачено]. Не могли ли бы Вы заранее условиться с [Вашиими] друзьями о дне и часе, когда мы все могли бы увидеться, и написать мне по адресу: *M[onsieur]r G[eorges] Lounz¹, 17 rue Jules Claretie, Paris (16^e)*, чтобы я сейчас же по приезде уже знал, когда я со всеми вами встречу. Кроме того с Вами лично мне хотелось бы повидаться и отдельно. Об этом мы можем сговориться, если в четверг, 30-го, между 10 утра и часом дня, [бы] Вы мне позвонили по телефону *Trocadero 51–26* (квартира Г. М. Лунца). Хочу только предупредить Вас, что в воскресенье 3-го мая я, вероятно, буду занят целый день.

Жена моя тоже будет со мною.

Итак, до скорого свидания. Пока заочно крепко жму Вашу руку.

Ваш М. Карпович

Публикуется по автографу (Lilly Library. Vishniak papers. F. 65). Письмо повреждено сыростью, с потерей текста в середине листа.

¹ См. примеч. 4 к п. 1.

10. Фондаминский — Карповичу *Paris. 22 марта 1939 г.*

Paris, 22 III 1939.

Дорогой Михаил Михайлович,
получил Ваш чек и письмо и не ответил сразу, ибо хотел ответить, когда выясню

все вопросы относительно Библиотеки¹. Книга Франка² послана по всем указанным Вами адресам и, надеюсь, получена. На днях посылаю на *Ваш адрес* экземпляр для П. Сорокина, прошу Вас передать ему и получить с него деньги, по возможности, *за всю серию*. Надеюсь, что вид книги Вас удовлетворил. Теперь прошу Вас *употребить все усилия*, чтобы найти еще 10 обещанных подписчиков. Дело в том, что по контракту с издательством мы должны достать 100 подписчиков, но издание может продолжаться (следующие серии) только в том случае, если мы доведем эту цифру до 150. В настоящее время у нас есть 90. Как видите, нам нужны еще 60! Подписки Ваших библиотек до нас дойти не могут, ибо агенты приобретают книги непосредственно в издательстве.

Что касается дальнейших томов 1-й серии, то можно пока гарантировать книги Чижевского³ и Струве⁴ (часть рукописи и того, и другого уже поступили и набираются). Книга Милюкова⁵ написана наполовину, и, по моему убеждению, она осенью выйдет, но ручательства П. Н. [Милюков] не берет. Мы тоже остановились на решении выпускать не меньше 2 книг по русской истории в каждой серии. Это и будет, во всяком случае, выполнено в этой серии, ибо книга Чижевского — история русской интеллигенции 40-х годов (очень интересная). Для следующей серии у нас будут готовы книги Фатеева, Бицилли, Милюкова (3-я часть 1-го тома), Савицкого, Федотова и др.⁶ Помимо указанных в проспекте мы намечаем еще ряд книг: 1) В. Иванова^{*}; 2) Трубецкого^{**}; 3) Острогорского^{***}; 4) Гурвича^{****}; 5) Одинца^{*****}.

Вообще, сочувствие так велико и желающих работать и печататься так много, что мы допускаем возможность выпуска не 4-х книг в год, а 5–6. Необходимо только набрать нужное число подписчиков.

«Совр[еменные] зап[иски]» на 1939 г. обеспечены. Благодарю за указание на Б[ахметева?].

Читал с радостью изложение Вашего доклада в р[усско]-америк[анской] газете — у нас полное совпадение взглядов.

Скоро выходит:

1) № 14 «Нового града» $\frac{1}{2}$ дол.

2) № 4 «Круга»⁷ $\frac{1}{2}$ дол.

3) № 1 сборник «Православное дело»⁸ $\frac{1}{2}$ дол.

Вышли сборники стихов из серии «Русские поэты»: Смоленский, Гиппиус, Терапиано, Адамович, Поплавский⁹ — по 10 фр.

Всё это моя работа, и заказывать надо мне. Готовлю: 1) серию — «Библиотека для юношества»; 2) журнал для юношества; 3) сборник о народах России¹⁰.

Послал Вам проспект¹¹.

Жду от Вас известий о получении Франка и новых подписчиков.

Шлю Вам сердечную благодарность за поддержку и дружеский привет.

Ваш И. Фондаминский

^{*}) Из греческой мифологии¹²

^{**}) Р[усская] литература 18 в.¹³

^{***}) История Византии¹⁴

^{****}) Очерки социологии¹⁵

^{*****}) Князь и народ в Древней Руси¹⁶

Публикуется по автографу (Bakhmeteff Archive. Karpovich collection). Письмо на бланке журнала «Русские записки: Общественно-политический и литературный журнал».

¹ Имеется в виду новая серия издательства «Современные записки» — «Русская научная библиотека».

² См.: *Франк С. Л.* Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. Париж: Дом книги; Совр. записки, 1939. (Рус. науч. б-ка; Кн. 1).

³ См.: *Чижевский Д. И.* Гегель в России. Париж: Дом книги; Совр. записки, 1939. (Рус. науч. б-ка; Кн. 2).

⁴ Книги Франка и Чижевского оказались единственными, вышедшими в серии «Русская научная библиотека». Согласно проспекту серии, книга П. Б. Струве должна была носить заглавие «Экономическая и социальная история России с древнейших времен и до нашего времени» (см.: *Шруба М.* К истории издательства «Современные записки» // Вокруг редакционного архива СЗ. С. 294).

⁵ В 69-й книге СЗ за 1939 г. анонсировалась в рамках серии «Русская научная библиотека» книга П. Н. Милокова «Очерки по истории русской культуры. Т. 1. Ч. 2»; согласно проспекту серии, книга Милокова должна была носить подзаголовок «Население и экономика».

⁶ Ср. в письме Фондаминского к П. М. Бицилли от 10 марта 1938 г.: «В 1939 г. выйдут: 1. . Социальная история эллинистич[еского] мира. 2. *Чижевский.* Гегель в России. 3. *Франк.* Непостижимое. 4. Струве. История народного хозяйства в России. В дальнейшем намечены: 5. Ростовцев: соц[иальная] история Римск[ой] Империи. 6. Милоков: Российская Империя. 7. Зелинский: ?. 8. Лосский: система этики. 9. Фатеев: Сперанский. 10. Федотов: История русской религиозности. 11. Бицилли: русская литература 19 в. 12. Нольде: ?. 13. Окунев: ?. 14. Савицкий: Производительные силы России. 15. Алексеев: Антропология» (*Шруба М.* К истории издательства «Современные записки». С. 290; см. также публикацию переписки Бицилли в т. 2 наст. изд.).

⁷ Издание не состоялось.

⁸ См.: Православное дело. Париж: Б. и., 1939. Сб. 1.

⁹ См.: *Смоленский В. А.* Наедине: Вторая книга стихов. 1932–1938. Париж: Совр. записки, 1938. (Рус. поэты; Вып. 1); *Гунтуус З. Н.* Сияния: [Стихи]. Париж: [Дом книги; Совр. записки], 1938. (Рус. поэты; Вып. 2); *Тератиано Ю. К.* На ветру: [Стихи]. Париж: Совр. зап., 1938. (Рус. поэты; Вып. 3); *Адамович Г. В.* На Западе: [Стихи]. Париж: Дом книги; [Совр. записки], 1939. (Рус. поэты; Вып. 5); *Поплавский Б. Ю.* В венке из воска. Париж: Дом книги; [Совр. записки], 1938. (Рус. поэты; Вып. 4).

¹⁰ Все эти планы не были осуществлены.

¹¹ См. примеч. 4 к наст. п.

¹² В. И. Иванов предлагал Фондаминскому для публикации книгу «Дионис и прадионисийские культы» — переиздание вышедшей в 1923 г. в Баку монографии «Дионис и прадионисийство» (см. переписку Иванова в т. 3 наст. изд.).

¹³ Ср.: *Trubezkoy N. S.* Die russischen Dichter des 18. und 19. Jahrhunderts: Abriß einer Entwicklungsgeschichte / Nach einem nachgelassenen russ. Ms. hrsg. von R. Jagoditsch. Graz[u. a.]: Böhlau, 1956.

¹⁴ Ср.: *Ostrogorski G.* Geschichte des byzantinischen Staates. München: Beck, 1940. (Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. 12: Byzantinisches Handbuch. Teil 1, Bd. 2).

¹⁵ Ср. ближайшую по времени книгу Г. Д. Гурвича по социологии: *Gurvich G.* Sociology of Law. New York, 1942.

¹⁶ Подобной книги Д. М. Одица опубликовано не было.

11. Фондаминский — Карповичу

Paris. 6 июня 1939 г.

Дорогой Михаил Михайлович,
за Вами еще 5.50 за Куссевицкого¹ (я послал на Ваш адрес) и несколько подписчиков. Не сердитесь, что надоедаю Вам, — Вы знаете, что все предприятие держится на нескольких преданных делу людях — и Вы в числе этих немногих.

Сейчас в наборе Чижевский и через месяц выйдет в свет². На днях выйдет № 14 «Нового града». Кроме того, пошлю Вам новый сборник «Православное дело»³ — цена ½ дол. Если не заинтересует, *не платите*⁴.

Мы организуем Общество изучения народов России и выбрали Вас корреспондентом. Скоро Вы получите об этом письмо — не отказывайтесь. Это общество с большим будущим⁵. Шлю дружеский привет.

Ваш И. Фондаминский

Публикуется по автографу (Bakhmeteff Archive. Karpovich collection). Датируется по почт. шт. Почтовая открытка; адрес получателя: «Prof. Karpovitch, 7 Trowbridge Place, Cambridge Mass[achusetts], U.S.A.»; адрес отправителя: «Fondaminsky, 130 av[enue] Versailles, Paris XVI»; почт. шт.: «Paris, 6.VI.1939».

¹ Имеется в виду главный дирижер Бостонского симфонического оркестра Сергей Александрович Кусевицкий (1874–1951), выступивший 1 февраля 1939 г. в Париже с концертом на вечере П. И. Чайковского (см.: Хроника. Франция. Т. 3. С. 525); более поздние парижские концерты Кусевицкого, если они были, в справочнике не отмечены.

² См. примеч. 3 к п. 10.

³ См. примеч. 8 к п. 10.

⁴ Подчеркивание предположительно рукой М. Карповича.

⁵ Сведений о данном обществе нет.